

Постоянное представительство
Российской Федерации
при Организации Объединенных Наций

Permanent Mission
of the Russian Federation
to the United Nations

136E 67th Street
New York, NY 10021

Телефон: (212) 861-4900
Факс: (212) 628-0252
(212) 517-7427

Phone: (212) 861-4900
Fax: (212) 628-0252
(212) 517-7427

Check against delivery

9 ноября 2015 года

ВЫСТУПЛЕНИЕ
представителя Российской Федерации
в VI Комитете 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН
по пункту повестки дня «Доклад Комиссии международного права о
работе ее 67-й сессии»
(Темы: «Преступления против человечности», «Последующие соглашения
и последующая практика в связи с толкованием договоров»)

Г-н Председатель,

Российская делегация с большим вниманием изучила первый доклад спецдокладчика г-на Шона Мёрфи по теме **«Преступления против человечности»**, а также четыре проекта статей с комментариями, подготовленные Комиссией по итогам его рассмотрения.

В 2013 году, когда тема **«Преступления против человечности»** была включена в программу работы Комиссии, нами был поставлен вопрос о том, для чего нужен новый документ в этой области. Как известно, определение преступлений против человечности было включено еще в Устав

Нюрнбергского трибунала, этому преступлению посвящена и Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности 1968 года.

Отслеживая работу Комиссии можно предположить, что «добавленная стоимость» рассмотрения этой темы может заключаться, в частности, в том, чтобы помочь гармонизации национального законодательства о преступлениях против человечности.

Поддерживаем подход Комиссии в том, что касается использования модели Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 года при работе над проектом статей.

Полагаем разумным воспроизведение в проекте статьи 3 определения преступлений против человечности, взятого из Римского статута Международного уголовного суда. Исходим из того, что вскрывать его не будут.

При этом вопросы у нас вызывает пункт 4 проекта статьи 3 – он не представляется самоочевидным.

Основная цель будущей конвенции, как мы понимаем, - обеспечить эффективное межгосударственное сотрудничество в предотвращении преступлений против человечности и наказании лиц, виновных в их совершении, в национальных судах. Такой цели можно достичь если государство - участник конвенции будет связано международными обязательствами по криминализации в своем законодательстве преступлений против человечности именно в том виде, в каком они предусмотрены в будущей конвенции.

Однако государство-участник будущей конвенции может иметь законодательство о преступлениях против человечности, содержащее, по выражению г-на Мёрфи, «более высокие стандарты», чем те, которые заявлены в определении Римского статута. При наличии такого участника эффективно

взаимодействовать, например, в вопросах выдачи, с ним вряд ли получится. Та же проблема возникнет и при сотрудничестве с государством, имеющим в своем законодательстве более узкий набор преступлений против человечности.

В целом возникает вопрос, что можно считать «более высоким стандартом» при определении преступлений против человечности.

Что касается проекта статьи 4, то у нас возникает вопрос относительно того насколько это положение должно быть детализированным. На наш взгляд, природа преступлений против человечности, носящих по определению широкомасштабный и систематический характер такова, что едва ли следует прописывать детальные положения относительно превентивных мер. Кроме того, у нас нет убежденности в том, что сотрудничество государств, а тем более сотрудничество с международными организациями может рассматриваться как часть обязательства по предупреждению. У нас также вызывает сомнение включение положений об экстра TERRITORIALном применении мер по превенции. С одной стороны, мы отмечаем, правильный ограничитель, включенный в преамбулу этой статьи, о том, что все меры по превенции преступлений против человечности должны быть в соответствии с международным правом, с другой – даже вместе с этим ограничителем расширение территориального применения обязательства по предотвращению может служить основанием для злоупотреблений. Это, прежде всего, относится к распространению обязанности по предотвращению на «территории под контролем государства». Как известно, последние решения различных международных инстанций весьма расширительно толкуют этот критерий.

Мы принимаем во внимание тот факт, что эта статья основывается на решении Международного Суда по делу о «Применении Конвенции предупреждения преступления геноцида и наказания за него» (Хорватия против Сербии), вместе с тем, у нас есть вопросы относительно того, все ли положения этого судебного решения, отражает существующее право.

В этой связи, по мнению российской делегации, целей проектов статей можно было бы достигнуть, ограничившись общим указанием на обязанность государств предотвращать преступления против человечности. Ссылку на то, что они могут это делать в соответствии с международным правом, безусловно, следует сохранить. Хотели бы в этой связи также обратить внимание на то, что Конвенция 1948 года детализации превентивных мер не содержит.

Также считаем важным отметить, что обязательство по предотвращению является обязательством поведения, а не обязательством результата. В этой связи мы предложили бы переместить второй параграф проекта из статьи 4 в статью, касающуюся определения преступлений против человечности.

В заключение хотели бы призвать Комиссию не форсировать работу над проектами статей дабы не потерять в качестве документа, касающегося одной из категорий самых серьезных преступлений по международному праву.

Выражаем признательность Комиссии в связи с очередным этапом продуктивной работы над темой **«Последующие соглашения и последующая практика»**. Третья часть исследования г-на Георга Нольте была сосредоточена на отдельном вопросе – роли последующих соглашений и последующей практики в толковании договоров, которые являются учредительными документами международных организаций. Отмечаем ценность проведенной работы и её большое значение для практики толкования международных договоров.

Прежде всего, хотели бы поддержать заключение, содержащееся в первом параграфе вывода 11. Согласны с тем, что статьи 31 и 32 Венской конвенции о праве международных договоров должны применяться в отношении договоров, являющихся учредительными документами международных организаций.

Вместе с тем, хотели бы подчеркнуть, что создаваемая на основании учредительного акта международная организация является предметом договора, а не его стороной. В связи с этим важно, чтобы при анализе последующей

практики и последующих соглашений при толковании учредительных договоров международных организаций практика государств отделялась от практики организации как таковой.

Полагаем, что именно практика государств-сторон договора подпадает под действие статьи 31, в то время как практика самой организации может квалифицироваться лишь по статье 32.

В этой связи предложили бы не делать ссылку на параграф 1 статьи 31 в параграфе 3 проекта вывода 11.

Что касается параграфа 2 этого вывода, то, как нам представляется, он несколько смешивает практику организации и практику государств. В этом параграфе делается вывод о том, что практика организации может воплощать или давать начало практике или соглашению государств. По мнению нашей делегации, в данном более правильно было бы вести речь не о самой практике организации, а скорее о поведении государств в связи с практикой организации.

Господин Председатель,

На данной сессии наша делегация не будет давать комментарии по проекту заключений о **«Выявлении международного обычного права»**, поскольку Комиссия еще не приняла комментариев к проекту.

На наш взгляд, темп, набранный Комиссией в разработки данной темы, достигнут во многом за счет того, что многие сложные вопросы, которые должны быть более подробно освещены в комментариях остались пока в стороне.

Хотели бы призвать Комиссию следовать традиционному подходу и одобрять проекты заключений вместе с комментарием.

Благодарю Вас, господин Председатель.